

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ**Ж. Л. Океанская, В. П. Океанский**

Океанский Вячеслав Петрович (Шуя, Россия) — доктор филологических наук, заведующий кафедрой культурологии и литературы Шуйского филиала Ивановского государственного университета; Email: ocean_65@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна (Шуя, Россия) — доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и литературы Шуйского филиала Ивановского государственного университета; Email: ocean_65@mail.ru

**МЕТАФИЗИКА ТУРИЗМА:
ТУРИЗМ КАК СПОСОБ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ МИРА**

На первый взгляд, может показаться, что метафизика туризма — нечто подобное баскетбольному жрецу либо сакральному потребителю. Метафизическое измерение дьявольской арлекинады обусловлено тем, что место метафизики никогда не остаётся пустым: целокупность сущего продолжает по-своему звать человека, а потому символическое место духовной элевации в новой цивилизационной истории постепенно занимает обезьянство в формах неомифологии прогрессизма, теории эволюции, праксиса альпинизма и космонавтики.

Поэтому мы не сможем в полной мере понять истинное измерение философии путешествий или теологии паломничества, не вникнув мыслью прежде того в метафизику туризма: разумеется, мы и в этом случае будем заниматься, конечно, метафизикой, а не туризмом... В своё время Виндельбанд говорил, что не только мир идей Платона нам интересен — но и сам Платон нам интересен; однако же, постепенно в развитии последнего интереса был отодвинут мир идей, которым как раз и собираемся заниматься мы.

А потому не будем здесь ничего говорить о конкретике туристических маршрутов — займёмся туризмом по существу, совершенно не продуманному, отодвинутому современным сознанием и вообще забытому... Метафизические сущности не даны нам так, чтобы мы их прибрали в карманы и портфели — скорее уж, они сами довлеют над нами, и в этом смысле они подобны пройденным человечеством реликтовым путешествиям, вполне достойным своей благородной философии, философии путешествий, к которой и мы приложили свои ноги и руки [См.: 4]...

Но в значительной мере десакрализации мира и разрушению философского отношения к вещам способствует современная индустрия туризма: «Игнорируя ”небо“, — отмечал Оливье Клеман, — человек сегодняшнего дня вновь обретает ”землю“, символ этого — великие зимние или летние миграции туристических стад!» [2, с. 17]. Вопреки Хайдеггеру, забыт не манящий «просвет бытия», обольщающий нас с прежней интенсивностью желанием быть — забвению предана именно метафизика и присущее ей, согласно тому же Хайдеггеру, мудрое ориентирование...

Всё имеет свою метафизическую сторону, даже если последняя и не всегда улавливается сачками философского концептуализма. Но в мире, где постепенно на месте метафизики оказались «идеологии», а на месте космологии — «мировоззрения», от всего серьёзного лю-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

дям хочется отдохнуть и место необходимости занимает необязательность. Вместо символики корней — ритуализированное скольжение... В этих условиях мы крайне редко задумываемся над основаниями повседневной реальности, начиная от так называемой обыденной «рутины» — и до того, что именуется в современном мире заманчивым словечком «экстрим». Когда современный культуролог пишет, что повседневность — единственное место, где человек встречается со священным [5], то явно предполагается, что священное метафизически старше и экзистенциально значительнее самой повседневности. Но какой культурно-исторический возраст имеют прыжки с парашютом? организованный пляжный отдых? индустрия туризма? Какой способ профанации Бытия лежит в основании того устройства человеческого мира, где путешествие («тур») становится «туризмом»? Его (как способа профанации Бытия, так и феномена туризма!) тысячелетиями не было в мировой истории: ни во времена Александра Великого, шедшего на край света; ни во времена Крестовых походов, направленных на освобождение Святой земли; ни даже во времена моряка из Йорка Робинзона Крузо... Паломничества в Мекку, в Иерусалим, хождения по монастырям, к святым источникам, странствия в поисках Китежа или Божьей правды — качественно иные по способу своего *непрофанированного* Бытия, нежели то, что наше сознание связало с туристической психологией, которая построена на базисном принципе «везде проездом».

Турист никогда не доедет — в глубочайшем смысле *прихождения к сути!* — до священного пасхального огня, даже если и окажется случайным свидетелем человеческой потасовки во круг непостижимых для профанов духовных событий. Туризм снимает само телеологическое напряжение любого путешествия, обесценивает саму метафизику путешествия, играя ценами на рынке бизнес-туров. Этот факт давным-давно бросает тень подозрения на всякую оправданность самого путешествия. Так, Лао-цзы говорил, что Вселенную можно познать, не выходя за пределы своего огорода — и, спустя много столетий, на эту тему по-своему отзывается кёнигсбергский домосед Кант. Эта тема заостряется у немецких романтиков, если вспомнить Новалиса, для которого Вселенная — внутренняя реальность метафизических странствий человеческой души; у американских трансценденталистов: прежде всего — у Эмерсона, объявившего путешествие раем для дураков. Она звучит по-своему у гениального «провинциала» Хайдеггера [6, с. 218–221] и у бесприютного Андрея Тарковского, для которого есть только один вид подлинного путешествия — в наш внутренний мир...

И всё-таки если туризм в экзистенциологическом смысле является до некоторой степени антонимом крае-*ведения*, то путе-*шествие* отнюдь не враждебно ни тропам родины, ни зову дальних странствий — подчеркнём, имеющих высшее метафизическое (хотя и не всегда достаточно внятное для кабинетной логики) оправдание и не лишённых качественной «меры» священного... ПUTE-*шествие* есть поэтому парадоксальное *укоренение* в пути. Оно в высшей степени серьёзно и обязательно. Если вспомнить профессиональный жаргон военных моряков, то надо заметить, что в их среде по морям не «плавают» (поскольку плавает нечто другое...), а — «ходят». Христос и святые также открывают нам образы *хождения по водам*. В качестве пере-*хода* может выступать пере-*лёт* на другой конец земли, но в качестве *про-лёта* может оказаться пеший поход на соседнюю улицу...

Все эти символические модели могут быть развиты и применены к самым разнообразным уровням человеческого существования. Так, если Генон высказывал глубинные соображения о катастрофической логике вырождения сакральных наук в профанные [1], то Хайдеггер великолепно показал, как они могут работать на уровне трансмутации фундаментальной науки в наукоёмкое производство: «Решительное развитие современного производственного

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

характера науки создаёт соответственно и новую породу людей. Учёный исчезает. Его сменяет исследователь, включённый в штат исследовательского предприятия. Это, а не культивирование учёности, придаёт его работе злободневность. Исследователю уже не нужна дома библиотека. Кроме того, он везде проездом. Он проводит обсуждения на конференциях и получает информацию на конгрессах. Он связан заказами издателей. Они теперь, между прочим, определяют, какие надо писать книги» [5, с. 99–100]. Как «последний великий романтик» (Ханна Аренд — о Хайдеггере), мыслитель мучительно ищет выход за пределы этого гибельного цивилизованного мира: в провинцию, в хижину — к альпийской родине, к высокогорью южного Шварцвальда...

Но ещё за сто лет до Хайдеггера и за полвека до Ницше и Маркса (философов, любивших символизм гор) «певец мировой скорби» Артур Шопенгауэр отмечал, что «философия — высокая альпийская дорога; к ней ведёт лишь крутая тропа чрез острые камни и колючие терния: она уединённа и становится всё пустынее, чем выше всходишь, и кто идёт по ней, пусть не ведает страха, всё оставит за собою и смело прокладывает себе путь свой в холодном снегу. Часто приходит он внезапно к краю пропасти и видит внизу зелёную долину: властно влечёт его туда головокружение; но он должен удержаться, хотя бы пришлось собственной кровью приклеить подошвы к скалам. Зато вскоре он видит мир под собою, и песчаные пустыни и болота этого мира исчезают, его неровности сглаживаются, его раздоры не доносятся наверх, — проступает его округлая форма. А сам путник всегда находится в чистом, свежем альпийском воздухе и уже видит солнце, когда внизу ещё — тёмная ночь» [7, с. 3].

Библиография

1. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М.: Беловодье, 1994. — 304 с.
2. Клеман О. Отблески света: правосл. богословие красоты. — М.: Библейс.-богосл. ин-т святого ап. Андрея, сор. 2004. — 94, [1] с.
3. Новикова Н. Л. Культура повседневности: Теоретический аспект: Учебник. Саранск, 2004.
4. Океанская Ж. Л. Ословесненный космос отца Сергия Булгакова: философия имени в контексте поэтической метафизики конца Нового времени. — Иваново; Шуя, 2009. — 392 с.
5. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 93–118.
6. Хайдеггер М. Творческий ландшафт: Почему мы остаёмся в провинции? // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Сост. А. В. Михайлов. — М., 1993. — С. 218–221.
7. Шопенгауэр А. Новые Paralipomena: Отдельные, но систематически изложенные мысли о разного рода предметах. 1810 — 1860 // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6: Из рукописного наследия. — М.: «ТЕРРА — Книжный клуб»; «Республика», 2001.

References

1. Guenon R. Tsarstvo kolichestva i znamenii vremeni. M., 1994.
2. Clement O. Otbleski sveta. M., 2004. S. 17.
3. Novikova N. L. Kul'tura povsednevnosti: Teoreticheskii aspekt: Uchebnik. Saransk, 2004.
4. Okeanskaia Zh. L. Oslovesnennyi kosmos ottsa Sergiia Bulgakova: filosofii imeni v kontekste poeticheskoi metafiziki kontsa Novogo vremeni. Ivanovo; Shuia, 2009.
5. Heidegger M. Vremia kartiny mira // Novaia tekhnokraticheskaiia volna na Zapade. M., 1986. S. 99–100.
6. Heidegger M. Tvorcheskii landshaft: Pochemu my ostaemsia v provintsii? // Khaidegger M. Raboty i razmyshleniia raznykh let / Sost. A. V. Mikhailov. M., 1993. S. 218–221.

7. Schopenhauer A. Novye Paralipomena: Otdel'nye, no sistematically izlozhennye mysli o raznogo roda predmetakh. 1810 – 1860 // Shopengauer A. Sobr. soch.: V 6 t. T. 6: Iz rukopisnogo nasledii. M.: «TERRA – Knizhnyi klub»; «Respublika», 2001.